

кимъ лицамъ, и въ то же время предлагать перепечатать зачѣмъ-то ругательный памфлетъ. Зоркій глазъ разглядѣлъ промахи и не-правильности въ документахъ по дѣлу о памфлетѣ, сходство почерка Атгинсона съ рукою Бомарше, противорѣчіе между разсказомъ, будто послѣдній уговоръ съ авторомъ брошюры писанъ былъ въ нейштатскомъ лѣсу, послѣ схватки, на колѣнѣхъ, стало быть беспорядочно, — и связною, четкою рукописью этого документа, — и все сильнѣе вставало подозрѣніе, не самъ ли авторъ памфлета, освобожденный отъ своихъ французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ псевдонимовъ, сидитъ теперь подъ охраной гренадеровъ въ заѣзжемъ домѣ подъ забавной, подходящей къ случаю, вывѣской „Zu den drei Laufern“?

Зонненфельсъ во всякомъ другомъ случаѣ почувствовалъ бы живой интересъ, увидавъ вблизи одного изъ представителей той культурной среды, которая его такъ привлекала. Но и онъ приступилъ къ дѣлу осторожно, отказался отъ предложеннаго ему въ даръ экземпляра мемуаровъ противъ Гэтцманна, сказавъ, что, какъ любитель литературы, онъ предоставляетъ себѣ принять эту книгу послѣ, когда официальные сношенія ихъ кончатся. Пока шли допросы и писались протоколы, Бомарше послалъ умоляющее письмо Сартину, а Кауницъ и Марія-Терезія изложили дѣло, каждый по своему, австрійскому послу въ Парижѣ, графу Мерси д'Аржанто, которому поручали явиться передъ королевской семьей и министерствомъ выразителемъ изумленія и негодованія, вызваннаго интригой Бомарше, и потребовать разъясненій. Опытный дипломатъ ¹⁾ скоро понялъ, что въ Парижѣ ему не хотять всего сказать, что послылка тайнаго агента дѣйствительно имѣла мѣсто и что разоблаченіе ея неприятно. Всего болѣе извивался и притворялся Сартинъ, нѣсколько разъ мѣнявшійся въ лицѣ, пока ему сообщали о случившемся; онъ забылъ, однако, осторожность, когда, проговорившись, допускалъ уже мысль, что Бомарше, чтобы выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, могъ рѣшиться на отчаяннѣйшее предпріятіе... Но, какъ бы то ни было, добыто было убѣжденіе, что арестантъ вовсе не такъ виновенъ, какъ казалось сначала; изъ Франціи официально попросили о его освобожденіи, и, наконецъ, узникъ былъ выпущенъ на волю. Ему даже предложили, въ утѣшеніе, подарокъ въ тысячу дукатовъ; по мнѣнію Кауница, онъ не стоилъ этого, но такъ лучше было для репутаціи императрицы. По желанію Бомарше, долго отка-

¹⁾ До Парижа онъ былъ посломъ въ Россію; интересная дипломатическая переписка его отсюда только-что издана Русск. Историческимъ Обществомъ.